

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ
О СВОЙСТВАХ РАСТЕНИЙ

От Бога травка, от земли корешок...

Предлагаемая вниманию читателей статья – по сути продолжение ранее опубликованной¹, в которой на материале травников, соотнесенных с мифологическими рассказами и поверьями, а также с произведениями декоративно-прикладного искусства, выявлялись антропо-, зоо-, фитоморфные, «гибридные» формы растений, осмысляемых в качестве атрибутов ведунов-зелейников. Цель настоящей статьи – рассмотреть основные функции чародейских трав, которые используются знахарями в повседневной магической практике: для сотворения человека, поддержания его сохранности, для наделения его теми или иными сверхъестественными способностями. В конечном счете эти травы содействуют, согласно представлениям, отраженным в поверьях, быличках и бывальщинах, обретению индивидом счастливой судьбы. Волшебные растения – средство, призванное помочь человеку вписаться в определенный социум, занять в нем желаемое место. Магические силы цветов и трав в руках ведунов-зелейников оказываются направленными и на поддержание порядка в мироздании, в универсуме и социуме, на недопущение сюда сил хаоса, а в случае их проникновения – на восстановление нормального течения бытия.

Материалом для изучения мифологической флористики служат прежде всего травники². По мнению исследователей, содержащиеся в них тексты представляют собой один из жанров устного народного творчества. Эти ритмические, рассчитанные на запоминание формулы, которые получили письменное бытование лишь с конца XVI в., основываются на древних традициях русского фольклора. Тогда же на Руси появились и переводные лечебники. Однако и они при переписывании подвергались трансформации и переосмыслению в соответствии не только с местной флорой и фауной, но и с местными традициями, в том числе и мифоритуальными³. В данном исследовании мы опирались преимущественно на те травники или их фрагменты, которые долгое время (во всяком случае на протяжении XVIII–XIX вв.) имели хождение в крестьянской среде на Русском Севере. Пронизанные поверьями, приговорами, заговорами и уже неотделимые от фольклорно-этнографического материала, они и были зафиксированы в качестве такового. Подобные записи мы находим преимущественно в периодической печати XIX в. Будучи соотнесены с быличками и бывальщинами, они могут лечь в основу мифологического сюжета.

Животворящая сила трав. Для севернорусской мифологической прозы типичен сюжет, отчетливо обозначенный в следующей бывальщине: «Жили были мужик да баба. Жили они богато, только *детей у них не было*, а детей иметь им очень хотелось. Вот баба и пошла к колдуну, и рассказала про свое горе, и просила помочь ей чем-нибудь. Колдун дал ей *два корешка* и сказал: «*Съешь эти корешки* в полночь с мягким хлебом и *станешь беременна*». Баба *съела корешки* и вскоре действительно *забеременела* (курсив мой. – Н.К.)»⁴. О соотнесенности корня растения с младенцем свидетельствует гадание, согласно которому беременная женщина выкапывает траву *кукушка* (ятрышник – *Oorchis maculata*): если у корня два отростка, родится девочка, а если три – то мальчик⁵ (ср. с библейским сказанием, где в качестве травы, содействующей зачатию, представлена мандрагора, которая избавила от бесплодия Лию – Быт. XXX. 14-25). Модель этого сюжета независимо от того, разрабатывается ли он в севернорусской бывальщине или в библейском сказании, дублируется и в поверье, используемом в травнике: женщину, «коя не может младенца родить», наделяет способность к деторождению то или иное зелье. В качестве такового назван, к примеру, корень травы *могойт* (?) или трава *перевязка* (герань луговая – *Geranium pratense*).

Стоит попринимать отвар этого растения с козьим молоком, теплой водой либо вином – и «дети пойдут», ранее бесплодная женщина вскоре родит.

Нередко травы, считающиеся магическими, на поверку оказываются лекарственными, как и в данном случае: отвар герани луговой в народной медицине используется при гинекологических заболеваниях. Молоко, вода, вино, согласно народным верованиям, взаимозаменяемы и при определенных обстоятельствах, как нам уже доводилось писать⁶, превращаются в кровь. Так или иначе, но жидкость, с которой употребляется зелье, стимулирующее детородную способность женщины, должна быть теплой, что свидетельствует об участии в этом акте двух стихий – воды и огня. Трава же символизирует стихию земли, волосами которой она является, если судить по духовным стихам или памятникам древнерусской письменности: «Земля сотворена, яко человек <...> вместо власов былие имать»⁷. Поскольку волосы в народных верованиях предстают в качестве средоточия жизненной силы⁸, неудивительно, что и «былие» служит ее вместилищем. Из сказанного следует, что в формуле человекотворения помимо трав (земли), чья роль в данном случае превалирует, оказываются в той или иной мере задействованными вода и огонь. Подобные верования некогда составляли основу древнего представления о четырех мировых элементах: земле, воде, огне, воздухе – и о происхождении человека из сочетания этих элементов (в данном случае – по преимуществу от земли, символом которой служат травы)⁹.

Заметим, что формула человекотворения в тех или иных проявлениях встречается во всем мировом фольклоре. Приведем в качестве примера одну из валашских сказок, основанных на той же сюжетной модели. Царевна беременеет, испив воды, в которой стоял букет неких пурпурных цветов, передавших воде свои сверхъестественные качества. Вода приобрела колорит этих цветов, на ней появились золотые и серебряные звездочки, такие же, как душистая пыльца на лепестках цветов. Это своеобразная метафора соединения растения (земли) и воды. Аналогичная мифологема обнаруживается и в романской народной поэзии: от слез Тристана и Изольды выросла белая лилия (вариант: белая лилия была орошена их слезами), и всякая женщина, вкусившая этого цветка или испившая воды, собранной с его листьев, непременно «затяже-леет»¹⁰. Представления о животворящей силе цветов и трав здесь включены в контекст верований, связанных с водой как порождающей стихией. Эквивалент воды – слезы, также осмысляемые в качестве средоточия жизненной силы того, кем они были пролиты. Напрашиваются и античные параллели. Например, Марс, изначально представленный в римской мифологии как хтоническое божество растительности, согласно поэме Овидия, был рожден от цветка Юноной – богиней женской производительной силы, материнства.

Вместе с тем в травниках фигурируют и растения, с помощью которых можно укрепить здоровье беременной женщины и младенца от его зачатия до рождения. Так, например, трава *индивия* (вероятно, цикорий – *Cichorium Endivia*, известный как общеукрепляющее средство) «младенцу в утробе силу подает», а трава *андрон* (?) – «память и разум». И обе они «мать здравят»¹¹. Случаи применения подобных трав в крестьянском быту подчас фиксировались во время судебных разбирательств. Так, в 1743 г. на шею у некой Шепельской, обвиняемой в колдовстве, был обнаружен мешочек, а в нем – сухая трава. Выяснилось, что это трава *материнка* (*Serpillum*). Подозреваемая, будучи беременной, носила ее для предотвращения выкидыша¹². С помощью других растений облегчаются роды: стоит дать «жене чреватой» *адамовой головы* (мандрагора – *Atropa Mandragora*), и она «тотчас же разродится». То, что в подобных случаях действительно использовались травы, косвенно подтверждает документ, датированный 28 августа 1803 г.: жена мастерового Александровского пушечного завода (Петрозаводск) Ивана Шуваева Василиса Тимофеева, которая при родах была доведена «называвшимися бабками» «до отчаяния жизни», тем не менее «по спросе в сем суде (Петрозаводском уездном суде. – Н.К.) показала, что во время ея беременности никаких посторонних бабок не было и никто ей *лекарственных трав* (курсив мой. – Н.К.) не давал»¹³.

Встречаются и такие травы, которые в зависимости от способа употребления могут то содействовать проявлениям стихии рода и плодородия, то нейтрализовывать ее. Например, дав женщине травы *погибельной* (?), цветущей и отцветающей в марте, можно лишить ее материнства. Однако стоит на будущий год, опять-таки в марте, в пятый день месяца, вновь дать ей той же травы – и ее продуцирующая сила восстановится, «и опять будут дети». Аналогична по свойствам и некая особая *польнь* (*Artemisia*) – трава, растущая, согласно поверьям, в Грязовецком у. Вологодской губ. Когда она, покрытая «медяной росой», начинает цвести, то приобретает способность «вышибать плод» – женщина перестает рожать (возможно, это поверье имеет реальную основу: неслучайно употребление полыни горькой противопоказано при беременности), причем под воздействием одного из таких зелий – навсегда, под воздействием другого – лишь в течение определенного срока. Подобные поверья нередко соотносятся с рассказами, в основе которых лежит следующий сюжет: «девка», вольно ведущая себя с парнями, не «брюхатела», однако стоило ей выйти замуж, как дети пошли сразу и один за другим.

Впрочем, «знающим» людям известна и полностью антиживотворящая сила некоторых растений. Например, употребляя траву *буквицу* (*Betonica vulgaris* или *officinalis*), женщина, которая «детищем страждет», освободится от него; с помощью травы *чернабы*, *чернобыля*, *чернобыльника* (полынь обыкновенная – *Artemisia vulgaris*) она также «живое или мертвое дитя из утробы выведет»¹⁴.

Наряду с рассказами и поверьями, где зачатие – незачатие, рождение – нерождение происходит – не происходит благодаря тому или иному зелью, примененному определенным образом, в мифологической традиции существуют представления, что человек может быть создан из цветов и трав помимо участия женщины и даже вопреки ему. В одной из бывальщин, имеющей некоторые признаки предания, по сути показан акт первотворения. В роли творца выступает Яков Брюс, названный «великим чародеем»: он «знал все травы этакие тайные и камни чудные, составы разные из них делал, воду даже живую произвел»¹⁵. Ему-то и оказалось по плечу творение человека, во всяком случае его плоти: «Заперся он в отдельном доме, никого к себе не впускает. Никто не ведал, что он там делает, а он *мастерил живого человека*. Совсем *сготовил – из цветов – тело женское*, как быть. Оставалось только душу вложить, и это от его рук не отбилосо бы, да на беду его – подсмотрела в щелочку жена Брюса и, как увидела свою соперницу – вышибла дверь, ворвалась в хоромы, ударила *сделанную из цветов девушку* – и та разрушилась»¹⁶ (курсив мой. – Н.К.).

С помощью трав и цветов можно не только сотворить живого человека, но и воскресить умершего. Об этом свидетельствует, например, одна из мифологем, которую мы встречаем в севернорусской фольклорной традиции: «Раздела она (сведущая старуха. – Н.К.) ее (умершую. – Н.К.) донага, *положила ей на сердце цветок, на лоб и на грудь – три ц(с)веточка положила*. Час время только проходит, а молодая стает»¹⁷ (курсив мой. – Н.К.). Аналогичный сюжет разворачивается и в другой бывальщине. Мифические существа варят в котле с разными зельями и снадобьями душу женщины, наложившей на себя руки. Используя зелье в сочетании с водой и огнем, они возрождают несчастную к новой жизни в облике русалки, прекрасной и вечно юной¹⁸. Ослабленная форма данной мифологемы: старики, надеясь помолодеть, парятся в бане некими *лютыми кореньями* (эквивалент им в сказке – молодильные яблоки или даже молодильные ягоды)¹⁹.

Заметим, что мотив воскрешения героя посредством растений (подчас в сочетании с водой и огнем) известен в различных этнокультурных традициях. Он отчетливо вырисовывается, например, в одной из валашских сказок: в полночь, когда взошел полный месяц, водяные девы собрали по частям тело Флориана – сына цветка. Царица водяных дев положила его на цветы, а затем вспрыснула живой водой – и он мгновенно воскрес, будто пробужденный от глубокого сна²⁰.

Согласно же славянским мифологическим рассказам и поверьям, с помощью трав

можно не просто воскресить умершего, а обеспечить ему вторичное рождение. Вот один из примеров. После смерти старого чернокнижника его ученик, следуя завету своего учителя, разрубает тело покойного на мелкие куски, пропитывает их мазью, изготовленной из трав, и опрыскивает соком животворных растений. Полученную массу он складывает в виде человека и хоронит в склепе. Проходит три года, семь месяцев, семь дней и семь часов. И вот в полночь, в полнолуние ученик зажигает семь свечей из человеческого жира и открывает крышку гроба. Среди расцветших душистых фиалок он видит прекрасное дитя, похожее на чернокнижника. Еще через ночь младенец превращается в годовалого ребенка, а еще через семь дней дитя говорит обо всем, как бывший учитель. Спустя семь месяцев чернокнижник является заново²¹. Это перерожденец, возвратившийся к новой жизни под воздействием чудесных трав в течение сакрального срока, соотношенного с сакральным макрокосмом. Как персонаж он попадает в типологический ряд героев, растущих не по дням, а по часам.

Подобный сюжет соответствует поверьям, по которым едва ли не каждое растение может внести свою лепту в сотворение или во всяком случае в восстановление человека. Тем более что трава, так же как и человек, сотворенный «из праха земного», «от земли рождена». Получившие бытие из одной материнской утробы растения и люди сходны по своей плоти. Так, например, трава *смык*, *савина* либо *мышка* (горец вьюнковый – *Polygonum convolvulus*) дает человеку ум («с умом станет»); *ефил* или *ефилия* (?) – рост и речь («в три месяца станет говорить»), *пострел боровой* (борец желтый – *Aconitum lycostomum*) и полевой (борец синий – *Aconitum napellus*) – голос («голос вельми будет ясен, что труба»), *иван* (иван-чай – *Epilobium angustifolium*) – слух («угодна аще <...> кто глух»), *зоря* (вероятно, любисток – *Levisticum officinale*) или *польнь* – зрение («светлость очей наводит») и т.п. Эти травы осмысляются как своего рода «эликсир жизни».

Архетипом подобных поверий и бывальщин послужили представления о человеке-растении, следы которых обнаруживаются в описании некоторых зелий, упоминаемых в травниках. Однако наиболее ярко они проявились в мифопоэтических представлениях о *мандрагоре*: ее корень изображается в старинных травниках в виде женской или мужской фигуры с головой, из которой вырастает пучок листьев. Пифагор называл мандрагору «человекоподобным растением», а Колумелла – «травой-получеловеком»²³. Согласно одному из средневековых сказаний, первый человек, появившийся на земле, был изначально громадной мандрагорой (в русской мифологической флористике ей соответствует трава *адамова голова*). Затем она была одушевлена и доведена до совершенства небесным дыханием, после чего вырвана из земли, чтобы стать новым существом, одаренным мыслью и движением.

В подобных представлениях, по меткому определению М. Элиаде, заключено «понятие о постоянном течении жизни между уровнем растения – как источника неиссякающей жизни – и человека: все люди – просто воплощения энергии того же растительного чрева. Они – мимолетные формы, постоянно производимые изобилием растений. Человек же – мимолетная видимость новой модальности растения»²⁴.

Лечебная (восстанавливающая, обновляющая, укрепляющая) сила. Мифологема, основанная на представлениях о целебных свойствах чудодейственных растений, нередко разворачивается в сюжетное повествование: «Позвали мельника, стал он ее (больную. – Н.К.) пареной травой лечить, одну она пьет, другая в печи лежит, так и поправилась»²⁵. Или: «Больна была баба гады три и с пастели не уставала <...> Заехали у двор к им немци, траӯ ликарственных вязуть вазы бальшущие <...> Дали ей травы на три разы: "Три раза ната питя!". И сказали, икаво (каково. – Н.К.) будить ит травы <...> Выздаравела ж, и стала сама знахаркый...»²⁶.

Согласно древнерусским представлениям, здоровье – это «благорастворение» всех четырех природных стихий в организме человека, а расстройство их или смешение телесных соков («вологи») – как начало болезни. Задача «лечьца» заключалась в том, чтобы как можно искуснее («хытрее») привести все эти элементы в изначальное

соответствие – «в доброе сочетание»²⁷. Следовательно, лечение направлено на восстановление, обновление, усиление того, что приходило в упадок, убывало, «стиралось». «Средством (основным инструментом), с помощью которого достигалось это, и был ритуал, – отмечает В. Топоров. – Он был сопряжен акту творения, воспроизводил его своей структурой и смыслом и заново возрождал то, что возникло в акте творения»²⁸.

Однако в мифологической традиции проявляется и несколько иная концепция, выводимая непосредственно из ритуала врачевания. По словам М. Элиаде, она сводится к следующему: жизнь нельзя исправить, ее можно только начать сначала ритуальным повторением космогонического акта, который является образцовой моделью всякого созидания²⁹. Так или иначе акт творения представлен в настоящем. Цветы и травы участвуют в этом акте как воплощение одной из природных стихий – земли, нередко сочетающейся с огнем и водой. Вот почему некоторые травы способны обновить, укрепить жизненную силу человека: трава *анжелик* (дягиль лекарственный – *Angelica archangelica*) «всю внутренность укрепляет и силу подает»³⁰ (в народной медицине она действительно применяется как общеукрепляющее, тонизирующее средство); трава *девясил* (*Inula*) содержит в себе «вещей <...> девять сильных, к лекарству потребных» (относится к лекарственным растениям, широко используемым в народной и научной медицине)³¹. Да и многие другие растения оказываются универсальными средствами для обновления человеческого организма: они «от всякия болезни пригодны» и «здрава человека учинят»³².

При этом едва ли не каждая трава «специализируется» на лечении определенной болезни: «Цветы и травы говорят к человеку, умеющему разуместь их речь, но разуместь их может только знахарь, умеющий лечить все болезни. Травы сами говорят ему, к чему они полезны»³³. В одной из поволжских бывальщин человек, понимающий разговор растений, каждое из которых «о своем лопочет», как-то, проезжая по лесу, видит стоящую на опушке маленькую травку. Она кланяется и говорит: «А я от ки-илы, а я от ки-и-илы!»³⁴. Иначе говоря, травка сама оповещает о своей возможности исцелять больных грижей. По этому поводу у южных славян бытует поговорка: «Всякая болезнь свое зелье имеет»³⁵. Разумеется, по мере накопления опыта, добытого эмпирическим путем, все больше используемых снадобий оказывались действительно эффективными. Однако даже реальный эффект нередко представлялся как результат магического воздействия растения на человека.

Лечебную магию трав, цветов, кореньев приумножали, согласно поверьям, посредством обрядов, сопровождаемых заговорами, приговорами, которые исполнялись как при добывании зелья, так и в ритуале врачевания. Это были формулы типа: «Мать – земля, отец – небо, дайте рабам вашим от этой травы здоровья»³⁶. Успех обеспечивался в первую очередь знанием происхождения, «биографии» травы: «<...> ты, мать трава, от Бога сотворена, от земли рождена»³⁷. Предписывалось выяснить и природу болезни, осмысляемую главным образом в рамках мифологического мировосприятия. «Я, мол, верно уж знаю – не впервой мне вылечивать, ее опризорили»³⁸, – заключает *баба-шентуха* или *знахарь-шентун*. Вследствие подобной логики едва ли не каждая болезнь трактуется как проявление порчи, пущенной по ветру, по воде и подмешанной к пище и питью, или как проявление сглаза, т.е. дурного глаза, что уже само по себе выводит лечение за пределы рациональных действий. Так, в одном из рассказов женщина, которую не смогли вылечить в больнице и которую вернула к жизни *одна бабка*, была, как выяснилось, жертвой вредоносных чар: «Бабка спросила: "Помнишь, чьи пироги с морковью ела?". Колдовство было в пироги положено»³⁹.

Чтобы уберечься от порчи (нередко она насыщалась опять-таки с помощью трав, собранных в Иванову ночь), использовались всевозможные средства растительного происхождения. Так, согласно севернорусским поверьям, человек, который ел или «хлебал на тощее сердце», т.е. натошак, *кудрявую дигиль без сердца* (*дудрявый кягиль*), т.е. дягиль, или дудник, лесной (*Angelica sylvestris*), был уверен, что в тот день никто не может его испортить. А прихватив с собой этой травы, он будет в пол-

ной безопасности и находясь на пиру. Точно так же тот, кто «ввечери порану ел и с вином земским держал» *галган*, т.е. калган (лапчатка – *Potentilla erecta*), «от женок испорчен не будет» (в медицине это растение используется как антибактериальное и тонизирующее лекарство при разных заболеваниях органов желудочно-кишечного тракта)⁴⁰.

Поскольку под категорию «порчи» иной раз попадали вполне реальные поражения поджелудочной железы, желчного пузыря, печени, вызывающие резкое падение иммунитета, дисбактериоз и т.п., порчу могли лечить средствами именно такого рода. Однако если по тем или иным причинам уберечься не удалось и порчу все же наслали, обращались к «знающим» людям. Мы приводим свидетельство очевидца, представшего перед таким целителем («бабкой – колдуном») в качестве пострадавшего («съела меня скука») и описавшего обряд снятия порчи посредством зелий в том виде, в каком он бытовал в одной из среднерусских деревень. Выйдя, а затем вернувшись в избу, колдун принес два мешочка и баночку. Вначале он налил в бутылочку «пациента» воды из своей бутылки, хранящейся у него в переднем углу. Затем стал брать по щепоткам из мешочков и баночки истолченную в порошок траву, при этом он сам крестился и крестил траву, нашептывая на нее. Насыпав в бутылочку зелья, он перекрестил ее и отставил в сторону. Потом, расстелив на столе небольшую тряпочку, колдун стал насыпать на нее той же травы из мешочков и баночки. Перекрестив и эту траву, он опять взял бутылочку: наклонив к себе и глядя в нее, принялся вновь шептать. При этом ему удалось определить виновного в порче: «Это русский мужчина тебе сделал». Колдун велел «пациенту» умываться каждое утро составом из бутылочки, а траву, насыпанную на тряпочку и затем завязанную в нее, использовать при купании в избе, обдав предварительно «варом». Иначе говоря, снятие порчи в данном случае осмысливается как восстановление прежнего состояния посредством природных стихий: земли, воды, огня. На вопрос же пострадавшего, какая трава при этом используется, «знающий» отвечал: «Трава? Трава... Я собираю разные полезные травы, очень полезные»⁴¹. И к этому он больше ничего не добавил.

Однако, если заглянуть в заветные тетради, имеющие хождение в крестьянской среде под названием «травники», то тайна ведунов-зелейников будет раскрыта. Свойство снимать порчу приписывается растениям, именуемым в народе *адамова голова*, *ангелик*, *архилим*, или *архилин* (волшебная трава, охраняющая от сглаза, порчи и пр.), *бронец* (возможно, *Smilacina bifolia*, хотя под этим названием известны в народе и другие травы), *былей* (?), *девясил*, *золотуха* (возможно, золотая розга – *Solidago virgaurea*), *лазорь* (касатик – *Iris*), *перекон* (*Marrubium peregrinum*, *Marrubium vulgare*), *Петров крест* (*Lathraea squamaria*), *пострел боровой* (*пострел лютик лесовой*) и *полевой*, *ревялка* (*ривенка*, *ревенька*, *ревекка*: иван-чай узколистный – *Epilobium angustifolium*), *скопидон* (?) и пр. Чаще названные травы используются в определенных сочетаниях, поскольку каждая из них помимо общего свойства имеет свои особенности. Так, например, относительно *пострела лютика лесового* известно, что без него никакие другие травы от порчи не действенны. Столь же эффективна *адамова голова*, о чем свидетельствуют некоторые рассказы исцелившихся: «Кабы не один человек, давно бы меня эта нечисть доконала. Присоветовал он мне коренья пить, от порчи девять их, а самый главный адамова голова прозывается <...> Этот корень надеть было напоследок всего пить»⁴². Употребляя же иное зелье, как следует из травников, имевших хождение в Олонецкой губ., можно выявить «порчельника»: «И ту траву (ревялку. – Н.К.) давать порченным людям; и он станет говорить и вопить, имянно скажет, кто его испортил»⁴³; «Трава ревека по зорям ревет и стонет, а ту траву давать порченным людям, и он станет говорить и вопить, именно скажет, кто спортил»⁴⁴.

Пользоваться средствами, предназначенными для предотвращения порчи, следует, по поверьям, с большой осторожностью: направленное против «порчельника» действие может оказаться переадресованным предполагаемой жертве. Например, если невеста

при входе в дом жениха не сумеет перепрыгнуть через порог так, чтобы не наступить на траву *прикрыт* (под зельем с этим названием могут подразумеваться различные растения: борец – *Aconitum*, болиголов – *Conium maculatum*, купальница – *Trollius*, ветреница – *Anemone* и др.), заранее положенную здесь знахарем, о чем ее предупреждают, все негативное воздействие этой травы, подкрепленное словами заговора, на нее же и обрушится. В противном случае, если невесте удастся не наступить на *прикрыт*, неприятность произойдет с человеком, который пожелал несчастья новобрачным.

Согласно народным верованиям, лихая порча, уподобленная, равно как и *око́рм*, *болезнь смертная*, *черная немочь*, *всякое зло*, *всякая пакость*, *всякий нечистый дух*, некоему мифическому существу, может быть выведена, выгнана из человека с помощью определенных трав (в сочетании с водой и огнем), благотворное воздействие которых усиливается магическими словами «знающего» человека. «Терапия знахарей построена на народной теории о болезнях и есть только следствие и вывод из нее»⁴⁵, – отмечает Г.И. Попов. Причем первоначальная недифференцированность болезней (например, «утроба болит», «сердечные или гнетенишные скорби») надолго предопределила особенности этой терапии.

В силу господства магии по сходству форма травы, используемой при лечении, должна соответствовать форме больного органа либо той или иной части человеческого тела. Так, например, растения, имеющие форму завитка или кренделя (*польнь*, *кровохлебка* – *Sanguisorba officinalis*, *вероника* – *Veronica*), не без оснований считались и до сих пор считаются в народе прекрасным средством от головных болей. Растениям же с тонкими волосовидными листьями (укроп – *Anethum graveolens*; спаржа – *Asparagus officinalis*) приписывалось свойство укреплять волосы. Цветы, форма которых напоминает глаз, к примеру *очанка* (*Euphrasia officinalis*), служили лекарством от глазных болезней (кстати, настой очанки и поныне используется в народной медицине, в частности при воспалении глаз, век, роговицы), а похожие на ухо (*тимьян* – *Thymus*, *аконит* – борец, *Aconitum*) – от ушных (по-видимому, в качестве обезболивающего и дезинфицирующего средств). *Шавель* (*Rumex*), имеющий сходство с языком, применялся соответственно при болезнях языка. *Крапива* (*Urtica*), в силу того что она покрыта жгучими волосками, якобы избавляла от «колотей»⁴⁶.

Форма целебных растений должна соответствовать и душевному состоянию человека. Например, *белой смолянке*, или *потоскуйке* (смолевка поникшая – *Silene nutans*), цветочная кисть которой склоняется к земле, в Пермской губ. приписывается свойство излечивать людей от душевной тоски, печали⁴⁷. Трава же *мурат-царь* (*царь-мурат* – чертополох, релей, татарник – *Carduus*), которая вся в шипах – невозможно голой рукой прикоснуться, – средство от «скорби»: «взять тоя травы с корнем и бить того человека не жалея, хотя исколешь, поможет»⁴⁸. (Напомним, что именно растение *татарин*, или *царь-мурат*, символизирует в повести Л.Н. Толстого характер и трагическую судьбу Хаджи-Мурата, имя и народный этноним которого оказались созвучными с названием этой травы: «Стебель кололся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку, – он был так страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна».) Что касается цвета используемой травы, то он должен соответствовать цвету части человеческого тела, пораженной болезнью. В связи с этим желтуху, например, полагалось лечить травами с желтыми цветами⁴⁹.

«Это не значит, что, начиная с момента выделения профессионалов-знахарей, в их руках сосредоточились одни только магические (сверхъестественные) лечебные средства, а рациональные средства народной медицины применялись лишь рядовыми общинниками-незнахарями. Факты говорят, что разграничение здесь несколько иное: рядовые общинники применяют обычно *только* средства народной медицины (немагические), а знахари – и те и другие»⁵⁰, – утверждает С.А. Токарев. Добавим к сказанному, что и этого разграничения в поздней традиции по сути не существовало: ведун-зелейник все шире применял рациональные методы врачевания, а простой смертный

нередко по возможности копировал ведуна-зелейника, хотя и не отождествлял себя с ним. Во всяком случае и те, и другие обычно приступали к врачеванию с молитвой, обращенной к св. великомученику Пантелеймону, под покровительством которого по мере преодоления язычества и укрепления христианства оказались целебные травы. Его, посвятившего себя бескорыстному врачеванию, народ представляет расхаживающим среди трав и собирающим целебное зелье. А день памяти Пантелея-целителя (27 июля/9 августа) – это праздник всех лекарей-врачевателей⁵¹.

Совершенно очевидно, что своими корнями народное врачебное знание уходит в первую очередь в зелейничество, хотя оно и считалось в Московской Руси общепризнанным преступлением.

Наделение сверхъестественными свойствами. Как следует из мифологических рассказов и поверий, посредством чудодейственных растений человека можно наделять такими способностями, которых нет у простых смертных, или во всяком случае многократно усилить те, которые у него уже имеются. Вот одна из севернорусских быльщин, основанная на подобной мифологеме: «Сходил он (чудовисчо. – Н.К.) в комнату и притасчил бутылку зельёв ему. Наливал он враз ему три стакана. Тогда он почуял в себе силу непомерную, Ваня, был силен, а ишо втроё сильнее тово стал»⁵². Не такое ли «зельё» испил и эпический герой Илья Муромец, до этого тридцать три года сиднем сидевший на печи?

Судя по травникам, человек при содействии чудесных растений получает способность быстро и легко преодолевать расстояния. Так, например, путник не знает усталости в дороге лишь потому, что он натер себе ноги «живой травой» – *подорожником* (*Plantago*), а пробежавший несколько верст не испытывает одышки, поскольку носит на груди траву *ясминник* (ясменник – *Asperula*). Тому же, кто запросто ускользнул от погони и молодецки проскакал верхом, даже если под ним была кляча, несомненно, помог чародейский цветок *иван-да-марья* (анютины глазки, или фиалка трехцветная – *Viola tricolor*)⁵³.

Обладателю чудодейственных растений подвластны любые природные стихии. Для того, кто хотел бы летать, подобно птице, оказывается незаменимой трава тирлич (горечавка пазушная – *Gentiana amarella* или купена – *Polygonatum officinale*)⁵⁴. Раздобыв же траву *ревеньку* (*ревенку*, *ревялку*, *ревеку*) и держа ее корень при себе, лучше всего во рту, человек становится легким на воде: он не только хорошо плавает, но и ни при каких обстоятельствах не тонет⁵⁵. Отсюда, по всей вероятности, ведет свое начало поверье: если женщина, определенным образом связанная и брошенная в воду, не тонет, значит, она ведьма, не лишенная тайных знаний относительно магической силы зелий. Мало того, согласно травникам, человек, взявший в рот семя травы *перенос* (*перенос-зелье*, *переносное* или *перенок* – синеголовик плосколистный – *Elyngium planum*), может смело идти в воду – вода расступится перед ним⁵⁶, как будто это сам известный библейский персонаж: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Яхве море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею, и расступились воды; и пошли израильяне среди моря по суше» (Исх. 14.21–22).

В севернорусской мифологической традиции аналогичный мотив связан с бытом: «знающие» люди пользуются этим чудесным свойством магических растений при строительстве мельниц. Обладателя зелий не страшит и стихия огня, нередко соединенная со стихией воды, в качестве эквивалента которой может фигурировать молоко. Вот почему сказочному герою не причиняет вреда купание в котле с кипящим молоком: «<...> поезжай к озеру, нарви той самой травы, которую кобылицы едят, натопи ее, да тем отваром с головы до ног и облейся". Добрый молодец сделал все <...> приехал, бросился в кипучее молоко, плавает в котле, купается – ничего ему не делается»⁵⁷.

При помощи чародейских растений человек может также приобрести способность узнавать чужие мысли, какими бы тайными они ни были. Такое средство стараются заполучить ревнивые мужья. По поверью, стоит только положить стебель травы, известной под названием *ряска*, *рисница* или *риска* (*Lemna minor*), спящей жене

«в головы», причем «не просто», а неким особым способом, как она в ответ на вопросы, заданные мужем, расскажет всю подноготную: «что бывало и с кем живала и что на тебя мыслит»⁵⁸. Впрочем, посредством этой травы, равно как и *ревеньки* (*ревенки*, *ревялки*, *ревекки*), можно узнать едва ли не о каждом, что он о тебе думает и что замышляет. Человек же, носящий с собой *белен* (белена – *Hyoscyamus niger*), *бельвевец* или *водяной пуп*, заочно увидит («уведает») всех своих затаенных злопыхателей. Тот же эффект будет, если положить себе в рот цветок *волшебного гороха*, закатанный в воск, – тогда все, что у любого на уме, станет тебе известно.

Травы могут помочь человеку и в обретении вещей способностей. О растениях-оракулах, к которым относятся *сон-трава* (ее пытаются опознать в простреле широколистном – *Anemone patens*, *Anemone pratensis* или *Pulsatilla patens*) и ей подобные, мы уже говорили особо⁵⁹. Некоторые из волшебных трав дают возможность человеку, и особенно ведуну-зелейнику, выйти за рамки обыденного мира: вступить в контакт с мифическими существами и даже увидеть их. Так, например, если освященный корень *адамовой головы* носить при себе, то, по поверьям, непременно «узриши водяных, воздушных и домовых»⁶⁰ (вариант: «будут видимы дьяволы и колдуны»⁶¹). Обладатель же корня *плакун-травы* посредством обрядовых действий и вербальной магии может заключить договор с самим домовым⁶². При этом *плакун-траву* пытаются отыскать среди различных реальных растений, в числе которых иван-чай (*Epilobium angustifolium*), луговой зверобой (*Hypericum*), иволистный дербенник (*Lythrum salicaria*), спирея (*Spiraea*), медуница (*Pulmonaria*) и др. Кроме того, волшебные травы – это и некое средоточие ведовского искусства. Вот почему траву под названием *иван* стараются заполучить каждый из посвященных в тайное знание, поскольку «без нея не может никакой волхв мудры быти»⁶³.

Таким образом, чародейские травы, осмысляемые как магические, в значительной мере соотносятся с реальными растениями, многие из которых оказались на поверку лекарственными. Эти травы, согласно поверьям и мифологическим рассказам, участвуют в зачатии и сотворении человека, а в случае его повреждения, разрушения – в воссоздании и обновлении. Они же наделяют человека сверхъестественными физическими и магическими способностями, которыми нередко отличаются герои мифов, преданий, сказок.

Обеспечение удачи на промыслах. Среди произведений мифологической прозы встречаются рассказы, повествующие об охотничьем, рыбацком, пастушеском счастье, об удаче в том или ином ремесле, что происходит не без участия колдунов, хотя атрибуты их магических действий в быличках и бывальщинах зачастую не фигурируют, оставаясь как бы «за кадром»: «Был такой колдун, даже зверей мог загонять. Сутки, не одны с охотниками. "Дак у нас, – говорит, – капканы не смотрены, там, может, попалось зверя". И утром придут, полны капканы лисиць да вот всяких зверей. Вот какой был колдун»⁶⁴.

Каким же образом обеспечивалась удача на промыслах? Иногда ответ на этот вопрос мы находим в других мифологических рассказах или в заговорах, согласно которым «знающий» человек заручается благорасположением духов-«хозяев» соответствующих природных стихий (христианизированный вариант: покровительство определенных святых)⁶⁵. Однако чаще ответ на поставленный вопрос содержится именно в травниках, где магическая сила растений, функционально приравненных к духам-«хозяевам», способна дать тот же результат. При этом ведун-зелейник, выступая от своего имени или же в качестве посредника между людьми и некими мифическими существами, действует как медиатор, на этот раз между охотниками, пастухами, рыбаками, ремесленниками, с одной стороны, и волшебными растениями – с другой.

Факты использования зелья, в частности, для удачи на охоте зафиксированы документально. Так, например, в 1648 г. в г. Рыльске был задержан сын боярский Гаврилка Мусин, у которого в кармане был «сыскан» корень. Как выяснилось «в разпросе»,

«тот де корень он Гаврилка держит у себя для звериного промысла», ходит с ним «на поля и в леса и на речки»⁶⁶.

Согласно же материалам травников и сопряженным с ними поверьям, охотник, отправляясь на промысел, прежде всего запасается оберегом: с травой *царские*, или *царевы*, *очи* (насекомоядное растение росянка круглолистная – *Drosera rotundifolia*) ему не страшны ни медведи, ни змеи. Чтобы охотничье счастье не изменило и выстрел всегда попадал в цель, он носит при себе траву *землянику* (*Fragaria vesca*). И никакой колдун не сможет заговорить ружье, если оно окурено травой *колюшкой* (колючник – *Carlina*). Различаются травы, предназначенные для охоты на зверей и птиц. Например, тот, кому предстоит охота на медведя, пьет натошак с уксусом и медом «взвар» из *болотного голубца* – тогда ни одному медведю не удастся уйти от охотника, обретающего вместе с уверенностью в удаче и столь необходимом в этом деле бесстрашии. (Между прочим, нами в 1970 г. зафиксировано в Каргополье поверье о том, что *голубец* – надежная защита охотника от медведя, поскольку пахнет болотной топью: в данном материалистическом объяснении слышится позднейшее обоснование функции травы-оберега.) Травой «доброй», чтобы «ходить на медведя», признан в среде ведунов-зелейников и *болотный былец*, или *болотная былица* (возможно, поповник – *Leucanthemum*). Удачу же на птичьем промысле обеспечивает все та же трава *царские*, или *царевы*, *очи*: «Кто хочет птицу ловить, носи при себе – много уловишь птиц всяких»⁶⁷. Однако при ловле уток охотники предпочитают траву *адамова голова*. Окуривание ею необходимых в этом случае снаряжений они приурочивают к Великому четвергу. Иные растения более универсальны по своему предназначению. Тот, кто носит за пазухой траву *бел*, или *бель* (так называются многие растения, в том числе и белена), удачлив в охоте и на зверей, и на птиц, особенно на зайцев и тетеревов.

Некоторые растения, упоминаемые в травниках, используются и в рыболовной магии. Универсальна в этом отношении трава *венерин башмачок*: положенная к ловушке, она непременно заманит в западню хоть зверя, хоть рыбу. Траву же *росинец* применяют для окуривания невода. Ее, истертую в порошок и собранную в мешочек, привязывают к снасти, и рыба, по поверьям, «безбоязно пойдет в твой завод»⁶⁸. С помощью магических растений можно установить власть над обитателями водоёма. Брошенная в воду трава *блекота* (ядовитое, одуряющее растение белена – *Hyoscyamus niger*) привлекает рыб настолько, что они делаются ручными. Владелец же травы *нечуй-ветер* (вероятно, соотносится с ястребинкой – *Hieracium pilosella*) может не только поймать рыбу без всяких снастей, но и остановить на воде ветер, чтобы избежать потопления.

Подобные растения с укреплением христианства приобретают в мифологическом сознании определенные признаки. Так, трава *Петров крест*, которую в народе считают средоточием рыбацкого счастья, носит имя святого и имеет корень в виде креста. Это и аналогичные ему растения нередко фигурируют (особенно в заговорах) как атрибуты христианских святых или Богородицы, которые, держа «во правой руке цвет и траву», ниспосылают обильный улов⁶⁹.

Незаменимы магические растения, согласно поверьям, и в пастушеском промысле. Стадо не будет разбегаться и сохранится в целости в течение всего пастбищного периода, если «знающий» пастух обойдет его трижды с корнем *одоленя* (кувшинка желтая – *Nuphar lutea*)⁷⁰. У ремесленников пользуются спросом иные травы. Тот, кто найдет траву *осот* (под этим названием в народе известно множество трав, относящихся к разным видам и даже родам), «велик талант приобретаешь на земли <...> и во всяких ремеслах поищет тя Бог»⁷¹. Иначе говоря, обладателя этого растения не покинет божественное вдохновение.

С помощью чудодейственных растений можно обрести и необходимые в том или ином ремесле качества. Так, например, для плотников, равно как и для верхолазов, «что строят и кои ходят высоко», важно преодолеть боязнь высоты. Имея же при себе

цветок *адамовой головы* или корень волшебной травы *царь сил* или *сим* (*царь-зелье*; укр. *царь-зилье*), они «посмотрят вниз – и им кажется низко и страху нет»⁷². Или: «Кто хочет высоко лезть – бери эту траву и с ней никакого ужаса нет, и земля кажется близка»⁷³.

Упомянутую траву *осот* «добро держати» и человеку, занимающемуся торговлей. Неслучайно листья у нее, «что денежки». Такое сходство обеспечивает действие имитативной (подражательной), или гомеопатической, магии, основанной на принципе «подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину»⁷⁴. В соответствии с этой мифологической логикой обладатель травь, листья которой похожи «на денежки», будет несметно богат. Для успеха же самой торговли «знающие» советуют пользоваться магической силой некой травы *скопа* (от скопить?). Судя по поверьям, волшебные растения – действенное средство в осуществлении купли-продажи. Если, к примеру, тебе предстоит что-либо продать, то клади эту траву под товар и «пихай» его от себя – покупатели тотчас же «пристанут». И наоборот: если сам хочешь что-либо купить, то потяни к себе приглянувшийся товар корнем все той же мифической *скопы*, который имеет форму дуги, а на конце загнут крючком, и «подерни ею на себя» самого продавца; исход будет предрешен – «скоро даст»⁷⁵, т.е. продаст, особо не заботясь о своем барыше. Подобные поверья основаны на реальных фактах повседневного русского быта. Зелье действительно использовалось торговыми людьми для привлечения покупателей. Об этом, в частности, свидетельствует документ, содержащий навет на соперника – содержателя кабака («кабацкого откупщика»): «<...> привез де тот Петрушка с поля коренье, неведомо какое, а сказал де тот Петрушка, от того де коренья будет у меня много пьяных людей»⁷⁶.

Таким образом, удача на промыслах, в ремеслах либо в торговом деле, согласно народным верованиям, оказывалась в конечном счете прерогативой колдунов-зелейников и обеспечивалась применением тех или иных трав, осмысляемых в качестве магических.

Регулирование человеческих и социально-общественных отношений. Как следует из мифологических рассказов и поверий, чудодейственные травы помогают регулировать межличностные отношения. Имеющий такое зелье везде бывает душой общества. Он покоряет всех, вызывая к себе расположение. Тот, кто носит при себе «в чистоте» такие травы, как *адамова голова*, *архилим*, *дудрявый кягиль* (*кудрявый дягиль*), *какуй* (*кокуй*), *либист* (*любисток?*), *могойт*, *молчан*, *напахт*, *осот*, *папоротник*, *перекон*, *царские очи* (соотнесение некоторых из названных трав с реальными растениями проблематично), непременно «честь узрит» («честен будет») от всех людей, где бы он ни находился и куда бы ни пошел. Никто (хотя «и не друг») не будет на него сердит («иметь сердце») или мыслить (говорить) против «ни в очи», «ни по-за очи». По отношению к обладателю заветной травы даже гневный сделается добрым. Успех же в просьбах способен обеспечить иные травы, которые, однако, вряд ли имеют сколько-нибудь определенный «прототип»: «У кого чего будешь просить, положи в пазуху (траву *попьяница*. – Н.К.); а ежели у мужика – под полу правую, а у женска пола – под левую пазуху»⁷⁷. Такое же свойство приписывается и траве *змейка* (*змейца*). Впрочем, с помощью этого растения можно внести и разлад между людьми или внутри определенного микроколлектива: «А где скоморохи играют, кинуть ее (траву *змеицу*. – Н.К.) под ноги им – и они передерутся и гудки все переломают»⁷⁸ (вариант: струны сорвут).

Посредством магических растений можно регулировать, по поверьям, и взаимоотношения человека с властями: с командиром, судьей, господином и др.: «противу гнева властей» наиболее действенна трава *тирлич* – ее с этой целью надлежит носить на шее. С такой же целью используют и некоторые другие травы. Например, солдаты, чтобы оградить себя от гнева командиров, по рассказам, кладут в сапог пучок сена и ходят с ним сутки. Затем переворачивают пучок и держат еще сутки, после чего на третий день, вынув его из сапога, кладут на перекрестке с приговором: «Как расхо-

дятся эти дороги на четыре стороны, так разойдитесь гневные мысли противу меня моего отца-командира»⁷⁹. Предполагается, что вместе с потом в сухую траву переходит некая частица сущности (души) самого человека. И теперь именно на нее падет и разойдется гнев командира, не коснувшись самого солдата.

С помощью зелья, как выясняется, можно воздействовать и на судей, причем так, чтобы обеспечить желаемый исход рассматриваемого дела. Во всяком случае верят, что тот, кто имеет при себе *одолень*, непременно выиграет тяжбу. Носящий же с собой *чистотел* (это название в различных местностях может относиться к разным растениям) непременно будет признан правым: в соответствии с гомеопатической магией – *чистым*. Такой же результат якобы обеспечивается и мифической травой *чарву* (от чаровать –?): «Лист угоден, аще кто пойдет в суд. Возьми ее в правую руку, то без сумнения прав будешь в суду»⁸⁰. И даже подсудимый, которому удалось заручиться помощью травы *халим* (архилин, архилим –?), рассчитывает на оправдательный приговор.

Магическая сила растений направляется и на снискание слугой милости своего господина. О подобных фактах свидетельствуют, в частности, материалы судебных разбирательств. Из них, к примеру, известно, что в 1747 г. в Дубенский магистрат была прислана крестьянка Анастасия Иваниха, которая создалась в ведомстве. Она действительно дала слуге-немцу три корешка травы, называемой «ручки Пресвятой Богородицы». Зелье предназначалось для умывания, которое полагалось сопровождать молитвой, обращенной к Богородице, и заговором, обеспечивающим расположение господина к своему слуге⁸¹. Подобное чудодейственное назначение той или иной травы обычно программируется уже при ее добывании. Оно формулируется словами заговора и стимулируется вербальной магией: «<...> иже (травя папоротник. – Н.К.) в себе не имеет сердца, тако бы не имели сердца на меня, раба Божия, недруги мои и супостаты и вси человецы, и как люди радостны бывають и убиваються о серебре, так бы радостны были о мне сильнии и вси человецы (курсив мой. – Н.К.)»⁸². Этими словами обеспечивается действие имитативной магии.

Обладатель волшебных трав получает могущественную силу и власть, славу и признание. Тот, кто натрет корнем мифической травы *царь сим* (*сил*) свою саблю, писталь и стрелы, непременно одолеет супостата, станет великим полководцем и властелином. Вариант: имеющие при себе в качестве талисмана *солнечник* (подсолнечник – *Helianthus annuus*) возвращались домой увешанными орденами и прочими знаками отличия. В отношении же носящего с собой чудодейственную траву *осот* сбывается предначертание: «<...> и с великою славою вознесешь на земли»⁸³. Все произойдет по законам имитативной магии: неслучайно корень этой травы, именуемой «царь во травах», «светел, как воск»⁸⁴. Однако и на вершине власти царь, князь или полководец будет держать при себе и ни за что не расстанется с травой, принесшей ему славу и величие.

Итак, мы рассмотрели мифологический слой травников, зафиксированных непосредственно в контексте крестьянского быта, оставив изучение собственно реалистических элементов, равно как и следы влияния со стороны иных этнокультурных традиций, специалистам в соответствующих областях знаний. Волшебные растения предстают перед нами как один из элементов природы (это метонимический эквивалент земли), участвующих в творении, приравненном к первотворению, человека, будь это его рождение либо исцеление от болезни. Используемые в знахарской практике магические травы заключают в себе такие потенции, которые впоследствии развиваются в человеке в качестве его сверхъестественных способностей. Они определяют положение индивида в социуме и мироздании, обеспечивают ему счастливую судьбу. В этой роли мифические растения приравниваются к магическим предметам и чудесным помощникам героев волшебной сказки⁸⁵.

- ¹ *Криничная Н.А.* Травное зелье, дивии коренья... (из мифологических представлений о растительных атрибутах ведунув) // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1999. № 4. С. 51–62.
- ² Из лечебников и травников: 1. Травник. 2. Лечебник // *Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII века.* М., 1987. С. 492–527; *Соболева Л.С.* Рукописный лечебник XVIII в. строгановского крестьянина Василия Демидова // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма.* Новосибирск. 1990. С.75–83; *Флоринский В.М.* Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1879 и др.
- ³ Из лечебников и травников... Комментар. С.607–608. Об этом также см.: *Криничная Н.А.* Указ. раб. С. 53, 59.
- ⁴ *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // *Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России.* Вып. II. М., 1890. С. 191. № 20. (Изв. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXIX. Тр. этнограф. отдела. Т. XI. Вып. I).
- ⁵ *Афинасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т. Т. 3. М., 1994. С. 226–227.
- ⁶ *Криничная Н.А.* «Сынове бани» (Мифологические рассказы и поверья о баеннике) // ЭО. 1993. № 4. С. 69.
- ⁷ *Коринфский А.А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1994. С.469.
- ⁸ *Криничная Н.А.* Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 45.
- ⁹ *Криничная Н.А.* Концепция происхождения человека (по данным мифологии, фольклора и ранних философско-медицинских учений) // *Фольклористика Карелии.* Петрозаводск. 1989. С. 4–21.
- ¹⁰ *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Русская народная поэзия. Т. 1. СПб., 1861. С. 325.
- ¹¹ Самолечение простого народа по травникам // *Олонецкие губернские ведомости* (далее – ОГВ). 1884. № 44. С. 423. Вся статья опубликована в нескольких номерах: ОГВ. 1884. № 41. С. 395–396; № 42. С. 405–406; № 43. С. 414–415; № 44. С. 423–424; № 45. С. 430–431; № 46. С. 441–442.
- ¹² *Антонович В.Б.* Колдовство: документы-процессы-исследования. СПб., 1877. С. 25–26.
- ¹³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 655. Оп. 1. Д. 8/81. Л. 3–4. Этот документ обнаружил и ознакомил с ним автора данной статьи кандидат исторических наук М.В. Пулькин, которому автор выражает признательность.
- ¹⁴ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 44. С. 423.
- ¹⁵ Легенды. Предания. Бывальщины / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н.А. Криничной. М., 1989. С. 137.
- ¹⁶ Там же. С. 136.
- ¹⁷ *Зеленин Д.К.* Великорусские сказки Пермской губернии. 2-е изд. № 14. СПб., 1997. С. 131.
- ¹⁸ *Буслаев Ф.И.* Указ. раб. С. 325.
- ¹⁹ *Сахаров И.* Сказания русского народа. Т.2. Кн. 7. СПб., 1849. С. 36.
- ²⁰ *Буслаев Ф.И.* Указ. раб. С. 325.
- ²¹ Повести и предания народов славянского племени, изданные И. Боричевским. Ч. 1. СПб., 1840. С. 26–27.
- ²² Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 42. С. 406; № 46. С. 441–442.
- ²³ *Топоров В.Н.* Мандрагора // *Мифы народов мира.* В 2-х т. Т. 2. М., 1982. С. 102.
- ²⁴ *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 283.
- ²⁵ *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996. С. 218.
- ²⁶ Смоленский этнографический сборник / Сост. В.И. Добровольский. Ч.1. СПб., 1891. С. 77–78. № 10 (Зап. Имп. Русского геогр. о-ва по отд. этногр. (далее – Зап. ИРГО по отд. этногр.) Т. XX).
- ²⁷ *Боговяленский Н.А.* Медицина у первоселов Русского Севера: Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания XI–XVII вв. Л., 1966. С. 90, 108.
- ²⁸ *Топоров В.* О ритуале: Введение в проблематику // *Архаический ритуал в фольклорных и ранне-литературных памятниках.* М., 1988. С. 13, 15.
- ²⁹ *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. С. 56.
- ³⁰ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 42. С. 405.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 405–406.
- ³³ Об украинских народных преданиях // *Москвитянин.* 1846. Ч. VI. № 11–12. Критика. С. 153.
- ³⁴ Сказки и предания Самарского края / Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым. СПб., 1884. С. 168. № 47. (Зап. ИРГО по отд. этногр. Т. XII).
- ³⁵ Поездка немецкого врача по южнославянским областям // *Отечественные записки* (далее – ОЗ). 1853. Т. 89. Отд. VI. С. 82.

- ³⁶ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 476.
- ³⁷ О народных травниках в Олонецкой губернии // ОГВ. 1896. № 33. С. 3.
- ³⁸ Этнографические материалы из области народного знахарства в Олонецкой губернии // Там же. 1896. № 70. С. 2.
- ³⁹ Записано от М.Я. Калининой, 1898 г.р., родом из д. Крохино Великоновинского сельсовета Медвежьегорского р-на (Заонежье) 7 июля 1976 г. в пос. Соломенное (Петрозаводск) // Личный архив Н.А. Криничной.
- ⁴⁰ Пермский сборник. Кн.2. М., 1860. Прил. С. XXXVI.
- ⁴¹ Колячин А. Вераования крестьян Тульской губернии // ЭО. 1899. № 3. С. 50–51.
- ⁴² Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнограф. бюро кн. В.Н. Тенишева. СПб., 1903. С. 31.
- ⁴³ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 42. С. 406.
- ⁴⁴ О народных травниках в Олонецкой губернии. С. 3.
- ⁴⁵ Попов Г.И. Указ. раб. С. 87.
- ⁴⁶ Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. Киев, 1994. С. 66–67.
- ⁴⁷ Крылов П. О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии // Тр. О-ва естествоиспытателей при Имп. Казанском ун-те. Т.V. Вып. 2. Казань, 1876. С. 81.
- ⁴⁸ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 41. С. 395.
- ⁴⁹ Торэн М.Д. Указ. раб. С. 232–233.
- ⁵⁰ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 109.
- ⁵¹ Криничная Н.А. Указ. раб. С. 478. Подробнее см.: Криничная Н.А. «И все травы пред ним расступаются...» (К интерпретации образа Пантелеймона-целителя в стихотворении А.К. Толстого) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. тр. Вып.3. Петрозаводск, 2001.
- ⁵² Зеленин Д.К. Указ. раб. № 2. С. 49–50.
- ⁵³ Терещенко А. Быт русского народа. Ч. V. СПб., 1848. С. 93.
- ⁵⁴ Криничная Н.А. Тирлич-трава // Русская речь. 1999. № 1. С. 72–77.
- ⁵⁵ О народных травниках в Олонецкой губернии. С. 3; Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 42. С.406.
- ⁵⁶ Там же. № 46. С. 441; Флоринский В.М. Указ. раб. § 20. С. 7; Харитонов А. Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов: Шенкурского и Архангельского // ОЗ. 1848. № 5/6. Отд. VIII. Смесь. С. 2.
- ⁵⁷ Народные русские сказки А.И. Афанасьева. В 3-х т. Т. I. М., 1957. С. 429–430. № 170.
- ⁵⁸ Харитонов А. Очерк демонологии крестьян Шенкурского уезда // ОЗ. 1848. Т.IV. Отд.VIII. С. 153.
- ⁵⁹ Подробнее см.: Криничная Н.А. «Дай-ко, травонька, ответ...» (К истории и семантике поэтического тропа) // Вопр. литературы. 1998. № 6. С. 362–368.
- ⁶⁰ Харитонов А. Очерк демонологии ... С. 134.
- ⁶¹ Терещенко А. Указ. раб. Ч. V. С. 90.
- ⁶² Подробнее см.: Криничная Н.А. «Всем травам мати...» // Живая старина. 1997. № 1. С. 32–33.
- ⁶³ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 46. С. 442.
- ⁶⁴ Памятники русского фольклора Володозерья: Предания и былички. Петрозаводск, 1997. № 120. С. 114.
- ⁶⁵ О лешем как покровителе охотников и пастухов см.: Криничная Н.А. Леший и пастух (по материалам севернорусских мифологических рассказов, поверий и обрядов) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С.154–181; *ее же*. Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лешем как покровителе диких животных и охотников // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии: Матер. симпозиум, сент. 1993 г. Петрозаводск, 1993. С. 112–117. О водяном как покровителе рыбаков и мельников см.: *ее же*. На синем камне: мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине» воды. Петрозаводск, 1994. С. 23–40.
- ⁶⁶ Новомбергский Н. Колдовство в Московской Руси XVII столетия. СПб., 1906. С. XXV (Материалы по истории медицины в России. Т. III. Ч. I).
- ⁶⁷ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 43. С. 415.
- ⁶⁸ Харитонов А. Врачевание, забавы и поверья ... С. 3.
- ⁶⁹ Криничная Н.А. Петров крест – символ рыбацкого счастья // Русская речь. 1998. № 5. С. 87–91.
- ⁷⁰ Криничная Н.А. Травы-обереги: к семантике растительных образов // Фольклористика Карелии. С. 28–32.
- ⁷¹ Харитонов А. Врачевание, забавы и поверья... С. 3.
- ⁷² Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 46. С. 441.
- ⁷³ Попов Г.И. Указ. раб. С. 206.
- ⁷⁴ Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980. С. 20.
- ⁷⁵ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 46. С. 442.

⁷⁶ *Новомбергский Н.* Указ. раб. С. XV.

⁷⁷ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 43. С. 415.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Терещенко А.* Указ. раб. Ч. V. С. 89.

⁸⁰ Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 43. С. 415.

⁸¹ *Антонович В.Б.* Указ. раб. С. 31–32.

⁸² Самолечение простого народа по травникам // ОГВ. 1884. № 41. С. 395.

⁸³ *Харитонов А.* Врачевание, забавы и поверья... С. 3.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Подробнее об этом см.: *Кришичная Н.А.* Русская народная, мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т.2. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000.

N.A. Krinichnaya. Folk notions of the Russians about the vivifying properties of plants

The article examines basic functions of the magic grasses and herbs used by sorcerers in their daily practice of magic: to create human beings, to keep their body and soul together, to endow them with certain supernatural powers. In the hands of witch-doctors grasses and herbs help people blend with a social medium, find a desired place in it and, in the end, assist them, according to the notions reflected in the works of folklore, in obtaining a happy fortune.

© 2001 г., ЭО, № 4

С.Н. А б а ш и н

ПОТОМКИ СВЯТЫХ В СОВРЕМЕННОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Избавленные от смерти на основании слов Магомета: «Почитайте моих потомков, если бы они и не были того достойны, этим почтите меня» и основываясь на фанатической преданности народа, который видит в них чудотворцев, они безбоязненно вступают в борьбу с владельцами...

Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения.

Какие бы изменения ни могло принести будущее – а они, вероятно, будут очень значительными – (...) нет сомнений, что сейиды останутся влиятельным элементом мусульманского общества...

Serjeant R.B. The Saiyids of Hadramawt.

Хорошо известно, что в мусульманском обществе нет священнослужителей и духовенства в принятом для христианского мира понимании этих слов. Люди, совершающие ритуалы и пишущие догматические тексты, не получают специального посвящения и не образуют особого сословия. Повторю: все это хорошо известно, хотя в прессе, в рассуждениях политиков и политологов, даже в трудах ученых нередко приходится сталкиваться с почти буквальным перенесением христианских понятий на представления об исламском мире.

И все-таки упомянутое правило имеет исключение, которым в мусульманском об-